

УДК: 94(460).02

DOI: 10.25629/НС.2023.10.28

**КЛАССИФИКАЦИЯ ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ И ЦИТАТ В ТЕКСТЕ
«ОБЫЧАЕВ ТОРТОСЫ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ****Корнеева А.Д.**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме особенностей записи обычного права средневековыми легистами на материале двух редакций «Обычаев Тортосы». Обе редакции этого свода обычного права были созданы за весьма короткий временной промежуток в 1270-х гг., что даёт возможность проследить процесс редактур обычая и включить их в контекст проблемы записи существовавшего в устной форме обычного права. Другим аспектом проблемы является то, что запись обычая происходила в период активной рецепции римского права в среде учёных-правоведов на Пиренейском полуострове: в статье предполагается ответить на вопрос, каким образом те или иные установления из открявшихся для средневековых юристов римских источников могли попасть в «Обычаи Тортосы». Основное внимание в статье уделяется анализу латинских заимствований и цитат в тексте, составленном преимущественно на старокаталанском языке. Автор предлагает систему классификации данных заимствований и цитат, анализирует контексты их использования. Систематизация сведений о круге чтения и источниках цитат в «Обычаях Тортосы» во многом позволяет подойти к обсуждению обширной темы средневековой правовой культуры, для которой на определенном этапе развития было характерно стремление письменно зафиксировать устное право. Притом правовая культура, включавшая в себя как устные, так и письменные формы права, вырабатывала определенные принципы «перевода» обычая в письменный текст.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

обычное право, «Обычаи Тортосы», история Каталонии, рецепция римского права, Каталония в Средние века, средневековое право.

ВВЕДЕНИЕ

В XIII в. во многих городских центрах Каталонии создавались своды обычного права, тесно связанные с традицией «Барселонских обычаев» [1], которые они были призваны дополнить и уточнить в соответствии с местной спецификой. Эти своды сильно отличались между собой по тематике, языку, востребованности и т.д. До наших дней дошли – «Обычаи Льейды» (1227), «Обычаи Тарреги» (1242), «Фуэро Валенсии» (1261), «Обычаи Пералады» (1260-е), «Кутюмы Перпиньяна» (1276) и некоторые другие.

Одним из таких сводов стали «Обычаи Тортосы», которые за короткий промежуток времени претерпели две последовательные редакции: в 1272 г. и в 1277–1279 гг. Этот кодекс – один из самых объёмных по числу установлений: всего в нём насчитывается около 1350 статей [8, Р. 372]. «Обычаи Тортосы» (в обеих редакциях) изначально были разделены на 9 книг, в XIX в. Б. Оливером книги были разделены на 142 рубрики и 1350 обычаев [2].

Рукописная традиция «Обычаев» в целом была представлена 5 сохранившимися рукописями, которые были созданы до XIX в. Притом, о рукописи А 1272–1273 гг. историки до середины XX в. не знали, а на момент составления критического издания памятника каталонским историком Х. Массипом-и-Фонойоссой одна из этих пяти рукописей была утеряна: 2 рукописи XIII в. – А и В (выполнена позднее, чем А), 2 рукописи XIV в. – С (с обширными лакунами) и F (ныне утеряна) [3]. В частности, по его мнению, на ныне утерянную рукопись конца XIV–начала XV вв. опирался Б. Оливер, известный испанский историк права XIX – начала XX в.,

издатель текста «Обычаев Тортосы». Более поздние рукописи второй редакции памятника – D и E, согласно стемме, приведённой Х. Массипом-и-Фонойоссой в издании 1996 г., были сняты с рукописи С и не являлись самостоятельными [7, Р. XVIII]. Первое печатное издание «Обычаев Тортосы», вероятно, было выполнено на основе не дошедших до нас рукописей, составление которых относится к XV в. [7, Р. XVIII].

Текст рукописи А, оригинал которой датируется 1272 г. существенно отличается от текста, который сохранился в остальных рукописях. Х. Массип-и-Фонойоса убедительно доказал, что в рукопись А, в отличие от последующих, вошёл текст первой редакции «Обычаев Тортосы» 1272 г., а рукописи В, С, D и F – содержали текст второй версии памятника 1279 г.

История составления и редактирования текста «Обычаев» получила отражение в преамбулах к обеим сохранившимся редакциям интересующего нас памятника. В первой версии (по рукописи А) основной причиной составления «Обычаев Тортосы» назван конфликт городских властей г. Тортосы и рыцарей-тамплиеров: *«Поскольку спор между братом Арнау из Кастельноу, магистром Арагона и Каталонии, братьями из ордена тамплиеров, с одной стороны, и горожанами города Тортосы, с другой долго рассматривался в римской курии, названный магистр и братья потребовали, чтобы обычаи Тортосы были записаны...»* [7, Р. 2]. Кроме того, преамбула рукописи А сообщает о двух нотариях, Петре Тамарите и Петре Эгидии, которым было поручено составление данного законодательного свода.

Однако даже после отбора, как отмечается в преамбуле, предваряющей текст «Обычаев Тортосы» в рукописях В и С, записанные обычаи оставались *«слишком длинными, неясными и сомнительными во многих местах»* [7, Р. 2], а потому снова были отданы *«господам арбитрам, чтобы те снова могли исправить, изменить, сократить и прояснить, согласно тому, как, по их мнению, было бы правильнее...»* [7, Р. 3]. Только после этого, редакция обычаев была признана состоявшейся, а за их неисполнение полагался штраф в 1000 мараведи. Необходимо отметить, что из второй редакции, созданной 1277–1279 гг., исчезли как указания на имена нотариев-составителей первой редакции «Обычаев», так и описание обстоятельств её составления: эта редакция открывалась рассказом о завоевании Тортосы Раймундом Беренгарием IV сразу за которым следовало описание работы с текстом «Обычаев» в 1275–1279 гг.

Составители, перерабатывавшие устные нормы обычаев Тортосы, записывали их на старокаталанском, собственно, на том языке, на котором эти обычаи бытовали. В то же время даже при беглом взгляде на тексты бросается в глаза, что легисты временами использовали латинский язык.

Вопрос о сосуществовании двух языков: классического, универсального, наделенного авторитетом древности, и местного разговорного языка, который относился к более низкому регистру – в одном правовом памятнике, представляет особенный интерес. Таким образом, наше исследование будет посвящено двум аспектам: прежде всего мы изучим взаимопроникновение латинского и старокаталанского языков в рамках одного памятника. Затем уделим внимание самому процессу отбора материала и его редактирования, поскольку в случае с «Обычаями Тортосы» мы можем наблюдать за тем, как проходил этот процесс по маргиналиям в рукописи А, в которых сохранились пометки об одобрении или неодобрении епископом Тортосы Арнау и другими духовными лицами, входившими в состав специальной комиссии, отдельных установлений из редакции 1272 г. [4].

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение памятника было начато ещё XIX – начала XX вв. Особую роль и сложный состав «Обычаев Тортосы» отмечал Б. Оливер-и-Эстриейер в своём 4-х томном издании (1876–1881) данного памятника [16, Р. 460]. Уже в XIX в. он обратил внимание на большое число латинских заимствований в составе кодекса. В предисловии к одному из следующих изданий памятника (1912), снабжённого переводом текста «Обычаев Тортосы» на кастильский язык Х.Х. Перманьер отмечал, что латинские заимствования в «Обычаях Тортосы» не определяют содержание этого свода обычного права, а несут лишь вспомогательный, иллюстративный характер, в отличие от переводных норм римского права, запечатлённых, например, в «Семи Партидах» Альфонсо Муд-

рого [6, Р. LXXXXII]. Х. Массип-и-Фонойоса привлёк к своему изданию (1996) наряду с нормативным текстом в редакции 1272 г. более поздние рукописи и архивные материалы, что существенно обогатило это издание и дало толчок исследованиям процесса редактирования и «пересобирания» «Обычаев Тортосы» в ходе второй редакции 1277–1279 гг. [14, Р. 66–67].

Одним из первых филологических исследований «Обычаев Тортосы» стала монография К. Дуарте-и-Монтсеррата, также посвящённая анализу языка рукописи А, в которой он зафиксировал первые случаи употребления отдельных терминов из вокабулярия легистов на старокаталанском языке [11, Р. 115]. Кроме того, К. Дуарте-и-Монтсеррат вошёл в число составителей издания 1996 г. и выступил автором вступительной статьи об особенностях языка «Обычаев Тортосы», в ней выделил латинизмы как этимологическую группу внутри каталанского текста «Обычаев Тортосы» [11, Р. 50–51; 13, Р. LXX].

Ещё в 1980 г. Х. Серда Руис-Фунес, сопоставляя тексты «Фуэро Валенсии» и «Обычаев Тортосы» в вопросах организации разыскного процесса, пришёл к выводу, что такие установления не могли попасть в текст «Обычаев Тортосы» из «Фуэро Валенсии», поскольку в каждом из этих памятников легисты цитировали не совпадающие фрагменты из «Декреталий Григория IX» [5, Р. 585]. Анализируя установления, связанные с предоставлением доказательств в рамках судебного процесса, другой исследователь, М.А. Кальсада-Гонсалес, также подчеркнул наличие в обоих источниках ссылок на «Декреталии Григория IX», при этом отмечая, что «Обычаи Тортосы» в отличие от «Фуэро Валенсии» подверглись меньшему влиянию римского канонического права [3, Р. 118].

Стоит выделить несколько современных работ историко-правового направления, посвящённых рецепции римского или общего права в тексте «Обычаев Тортосы». Так, частично затронул интересующую нас проблематику в своей статье испанский исследователь Х.А. Обаррио-Морено, он также считает, что отдельные установления «Обычаев Тортосы» стали известны каталонским легистам по вторичным источникам, связанным с каноническим правом [15, Р. 546]. Однако в основном представители этого направления не столь внимательно относятся к вопросам, связанным с языком права: для них основной интерес представляет собственно смысл того или иного установления. В большинстве случаев, такие работы носят компаративный характер – «Обычаи Тортосы» принято сравнивать с другим памятником того же периода «Фуэро Валенсии». К. Сантос-Рохо отмечала, что несмотря на определённые сходства ряд норм «Обычаев Тортосы», связанных с судебными клятвами, был ближе локальным нормам, нежели рецептированному римскому праву, которое в большей мере повлияло на «Фуэро Валенсии», кроме того, исследователь обосновала свои выводы как раз на материале заимствованных латинских цитат, говоря о неполноте её понимания составителями «Обычаев Тортосы» [18, Р. 731]. Л. Бернад-Сега-рра пришла к выводу, что в последних нормы римского права были существенно упрощены и не заимствовались из тех, которые вошли в состав «Фуэро Валенсии» [2, Р. 104].

Одной из новейших работ собственно исторического направления, основанной на анализе источников, как законодательного, так и актового характера, стала работа исследовательницы Н. Пачеко-Каталан «Некоторые соображения о семье и наследовании в приграничном сообществе (Тортоса XII–XIII вв.)», несмотря на то, что в данной работе о латинских заимствованиях в тексте «Обычаев Тортосы» говорится лишь опосредованно, автору удалось показать связи между этим и более ранними законодательными источниками, например, «Барселонскими обычаями» и «Вестготской правдой» [17, Р. 268].

Таким образом, происхождение и типология латиноязычных элементов исследуемого памятника оставались вне рамок собственно исторических исследований, хотя, по нашему мнению, их изучение и систематизация, а также сравнительный анализ их использования позволили бы существенно расширить представления о правовой культуре эпохи.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании предполагается сконцентрировать внимание на том, как латинская и местная правовые традиции переосмыслиются осознанно носителями права, тем более уче-

ными, *letrados*, и одновременно «пересобираются», следуя за оформлением нового образа мыслей и определяясь новым социокультурным контекстом. За этим стоит необходимость изучения правового мышления средневекового человека, выраженного в письменном языке, который отражал сложную структуру правовой культуры, частью которой были легисты и их окружение.

В ходе исследования будет планируются решить несколько более конкретных вопросов как методического, так и содержательного характера:

- уточнить контекст употребления латинского языка в текстах обеих редакций «Обычаев Тортосы»;
- определить количественное и качественное соотношение латинских цитат в текстах рукописей А и В-С «Обычаев Тортосы»;
- выявить явные цитирования и их источники (следовательно, получить представление о круге чтения легистов и нотариев);
- представить классификацию латинских цитирований в тексте «Обычаев Тортосы».

МЕТОДЫ

Наличие двух редакций «Обычаев Тортосы» на старокаталанском языке с отдельными латинязычными элементами позволяет поставить данный памятник в контекст методологии мультилингвизма. Прежде всего мы имеем в виду взаимопроникновение латинского и старокаталанского языков в рамках одного памятника, но в данном случае можем наблюдать и за самим процессом редакции, поскольку в маргиналиях рукописи А сохранились пометки об одобрении или неодобрении церковными иерархами отдельных установлений из редакции 1272 г. Кроме того, в издании Х. Массипа-и-Фонхойосы большинство латинских элементов в старокаталанском тексте рукописей А, В и С были выделены полужирным шрифтом, что существенно облегчило наше собственное исследование [7, Р. LXXXII]. Для статистических подсчётов использовалась база данных латинских заимствований, составленная в программе Microsoft Excel. Для подсчёта общего соотношения латинского и старокаталанского языков использовались 2 метрики: «количество латинских слов в тексте» и «число случаев употребления латинских слов или словосочетаний».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В результате проведенного анализа мы пришли к ряду важных наблюдений и выводов. Латинские вставки в тексте «Обычаев Тортосы» представляли собой как отдельные термины или словосочетания, так и установления, которые синтаксически оказывались вписаны в предложение на старокаталанском языке, например, в обычае 2.8.6: “*Per so com son Paul diga nubat in Xristo*” («Поскольку, как говорит Павел, браки заключаются во Христе») [7, Р. 98].

Не менее 1,37 % текста «Обычаев Тортосы» в редакции 1272 г. были написаны на латинском языке или с применением отдельных латинязычных терминов. В тексте 1278–1279 гг. эта доля увеличивается до 1,49 % за счёт резкого снижения общего объёма текста (подсчёт производился по метрике «процентное соотношение количества латинских слов к общему числу слов в тексте»). Как нам кажется, такая метрика не в полной мере репрезентативна по отношению именно к «Обычаям Тортосы», поскольку заимствования-цитирования в отдельных случаях представляют собой короткую сентенцию или текст правового установления. Обратимся к метрике, показывающей число случаев таких заимствований: в рукописи А таких случаев фиксируется 510, а в более поздних рукописях В и С – около 200. Такое соотношение можно объяснить, во многом, обратившись к сохранившимся в рукописи А маргиналиям, которые в большинстве случаев указывают на то, какие положения были приняты «арбитрами» при составлении второй редакции памятника, а какие – отклонены. Однако исчезновение некоторых латинских установлений из текста «Обычаев» не сопровождалось никакими пометами в маргиналиях.

Среди выявленных заимствований в первую очередь стоит выделить самый многочисленный класс – служебные словосочетания и термины, в который помимо отметок о начале книги или рубрики «Обычаев Тортосы» («Конец первой книги. Начало второй книги» и т.д.) вошли

некоторые вводные и союзные слова [7, Р. 77, 131, 183, 264, 298, 340, 372, 408]. Наиболее частым вводным словом, открывающим то или иное правовое установление, является термин “*Item*”: в рукописи А он встречается 80 раз, а в поздних рукописях – 31. Столь частое использование данного маркера нового установления является типичным не только для законодательных текстов (в подражание текстам реципированного римского права), но и для актового материала на территории Каталонии, что подтверждают наблюдения М. Зиммермана [19, Р. 286]. Снижение частоты употребления “*Item*” в поздних рукописях связано с правкой арбитров, которые во многих случаях исключили это обозначения для облегчения цитирования [7, Р. 35]. Довольно частотно вводное словосочетание “*ipso iure*” (лат. «в силу самого закона»), использованное легистами в качестве наречия для обозначения правовых последствий того или иного действия или поступка. Сохранение данных вводных словосочетаний в отдельных случаях можно объяснить тем, что и сами арбитры при редакции текста сочли их его типичной частью, если это не противоречило их основной цели.

Латинский язык использовался составителями для того, чтобы зафиксировать формулы, применявшиеся при составлении документов [7, Р. 311, 313, 432–433]. Например, в тексте обычая 6.4.26 предлагается следующая стандартная форма для подписи свидетеля в завещании: “*ego talis rogatus a tali me subscribo pro teste et signum meum appono*” («Я такой-то по просьбе такого-то подписываюсь свидетелем и подпись свою ставлю») [7, Р. 314]. Акт, составленный иначе, согласно тексту данного обычая, мог быть признан недействительным. В большинстве случаев (11 из 12) эти формулы сохранились и в поздних рукописях, арбитры решили их не исключать.

Исключением является текст обычая 1.4.9, который был исключён в ходе редакции обычаев, предусматривал специальную форму заместительной подписи для должностных лиц и судей на тот случай, если они не умели писать. Тот факт, что для Петра Тамарита и Петра Эгидия, как для нотариев, так или иначе имевших дело с практиками составления тех или иных актов оговорить такую ситуацию представлялось важным, свидетельствует о том, что она была весьма вероятной, однако, по каким-то причинам во вторую редакцию «Обычаев Тортосы» этот фрагмент не вошёл. По нашему мнению, таких причин могло быть несколько несмотря на то, что маргиналия в первой редакции «Обычаев Тортосы» о них умалчивает.

Во-первых, по нашему мнению, признание того факта, что публичная власть не обладает навыками для легитимации власти, могло эту власть в лице вегера или судей дискредитировать. Во-вторых, акт, подписанный таким образом, по мнению самих церковных иерархов, видимо, не мог обладать всей полнотой легитимности. В-третьих, в виду специфического распределения обязанностей по осуществлению публичной власти, наличие заместительных подписей могло открывать возможности для интриг и подделок, что для арбитров было крайне нежелательным.

Стоит отметить, что в обеих версиях обычая 1.4.9 присутствуют варианты подписей для различного рода актов и на старокаталанском, и на латинском языках как взаимозаменяемые. Сходные явления можно наблюдать в грамотах на «фаршированной латыни», происходящих из Южной Франции, и представляющих собой клятвы верности сеньору. В них отдельные глаголы и даже целые предложения записаны на окситанском и старопровансальском языках в то время, как весь основной текст грамоты, включая формуляр, на латыни [1, Р. 149].

В дополнение к категории заимствований, связанной с легитимацией актов, выделяется ещё одна подкатегория: текст, который должен был присутствовать на печатях представителей ордена тамплиеров, семейства Монткада и городской корпорации Тортосы [7, Р. 41–43]. Как и в случае нормативными текстами подписей, эта информация была сохранена при редакции данного кодекса. Нам представляется, что в данном случае функция у латинского текста была легитимирующей, дающей право всем силам, которые находились в состоянии конфликта продемонстрировать свою легитимность.

Следующая категория заимствований, выделенная нами – это отдельные термины, также неоднократно появляющиеся в названиях рубрик обычаев Тортосы. Стоит также обратить вни-

мание на то, что отдельные термины приводятся в своей латинской неизменной форме, например, “*Rubrica de usu fructu...*” [7, Р. 154], “*Rubrica de negociis gestis*” [7, Р. 107] и т. д. Латинская терминология в заголовках рубрик встречается преимущественно в тексте 1-й редакции «Обычаев Тортосы». В таких случаях после латинского обозначения рубрики обычно следовала краткая дефиниция предмета рубрики на старокаталанском языке: “*Rúbrica de usu fructu, so és d'aquels que an dret en reebre fru<it> d' aquella cosa e no an dret en la propietat*” («Рубрика об узуфрукте, то есть о тех [лицах–А.К.], которые имеют право получать доходы с какой-либо вещи и не обладают правом собственности на неё») [7, Р. 154]. В данном случае мы видим, как при попытке объяснить определённый латинский термин на старокаталанском языке изменялось и его содержание: в данном случае фокус переместился с абстрактного права пользоваться чем-либо на людей, которые таким правом могли обладать. Подобное построение предложения представляет собой не неосознанное переключение языков в тексте легиста-интеллектуала, а его осознанный компромисс с адресатом данного законодательного текста, его предполагаемым пользователем, для которого отдельные термины римского права требовали специальных пояснений, причём на родном для него языке. Подобные синтаксические и смысловые структуры были не единственным вариантом придания понятийному аппарату римского права более «конвенциональных» форм. Так, К. Дуарте и Монтсеррат для рукописи А фиксирует рост числа латинских заимствований в собственно этимологическом смысле по отношению к более ранним текстам, многие из которых были зафиксированы им впервые в документах на старокаталанском языке [11, Р. LXX]. Это говорит об активном освоении и в определённой мере «присвоении» латинского юридического вокабулярия.

С другой стороны, в тексте «Обычаев Тортосы» существовали и различного рода дефиниции, записанные полностью на латыни: “*Procurator est qui gratuito aliena negotia mandato domini administrat*” («Прокуратор – это тот, кто безвозмездно управляет каким-либо делом по поручению господина») [7, Р. 99]. На наличие сходного определения термина «прокуратор» в «Обычаях Миравета» указывает испанский исследователь истории права Ф. де Арвизу-и-Галаррага [9, Р. 54–55]. Уже в тексте другого обычая встречаем следующее определение не должности или общественной функции, а страха: “*Metus est instantis vel futuri periculi causa mentis trepidacio*” («Страх – это смятение разума по причине настоящей или будущей опасности») [7, Р. 110]. По наблюдениям А. Иглесиаса-Ферейроса и Х. Массипа-и-Фонойосы большинство этих дефиниций происходили из компилятивного сочинения известного в XIII в. болонского легиста Азо Порциуса “*Summa codicis*”, которое представляло собой сокращённое обозрение Кодекса Юстиниана и Институций, или из сборника устоявшихся римских правовых принципов, получившего названия “*Generalia*” (официально) или “*Brocada*” (в профессиональном юридическом лексиконе) [7, Р. 110; 13, Р. 251]. О знакомстве Петра Тамарита и Петра Эгидия с компиляциями Азо Порциуса свидетельствует эксплицитное упоминание этого болонского юриста при одной из дефиниций в рукописи А [7, Р. 120]. Обратимся к принципам подбора подобных дефиниций, которыми руководствовались тортоские нотариусы при составлении «Обычаев».

Во-первых, среди дефиниций практически все имеют стандартную форму: термин, форма глагола “*esse*” (лат. «быть») и собственно определение. Во-вторых, такие определения довольно лаконичны, в отличие от рассмотренных выше дефиниций и пояснений на старокаталанском языке. Ещё одним отличием таких определений от рассмотренных выше случаев использования латинского термина и объяснения на старокаталанском является то, что большинство латинских дефиниций из рукописи А были исключены арбитрами как «излишние» или носящие дидактический характер, о чём сохранилась пометка в маргиналиях рукописи А [7, Р. 110]. Однако в тех случаях, когда дефиниция такого рода составляла само правовое установление, арбитры допустили её использование: “*Postulare sive advocare est, desiderium suum vel amici sui in iure apud eum, qui iurisdictioni preest, exponere, vel alterius desideria contradicere*» («Обвинять или защищать [в суде–А.К.] – это ходатайство своё или друга своего по праву перед тем, кто осуществляет правосудие, излагать, или возражать против ходатайства других [лиц–А.К.]») [7, Р. 96]. Подобное использование латиноязычного объяснения в качестве нормы можно видеть и в обычае 4.17.3 [7, Р. 26].

Собственно, правовые установления, записанный на латинском языке в «Обычаях Тортосы» также присутствуют: назовём рубрики 22–23, 29 девятой книги данного компендиума. Установления рубрик 22–23 в большинстве своём лаконичны, просты для понимания и имеют много общего со случаями прямого цитирования в латинских дефинициях. Издатель «Обычаев Тортосы» в примечаниях к данным рубрикам отмечал, что именно в их тексте прослеживаются параллели с «Фуэро Валенсии» [7, Р. 479]. В данном случае говорить о текстуальных связях «Обычаев Тортосы» и «Фуэро Валенсии» трудно, поскольку текст установлений несмотря на незначительные различия, вероятно, является вторичным заимствованием 16-го и 17-го титулов 50-й книги Дигест Юстиниана из одного третьего источника.

Далее, по тексту 29 рубрики 9-й книги «Обычаев Тортосы» мы можем судить, что тортосские легисты пользовались именно латинской версией «Барселонских обычаев». В частности, в этой рубрике в рукописи А и поздних рукописях приведён полный латинский текст обычаев 4–11, 13–15, 17–22, 58, 129–131 [7, Р. 520–524]. Текст рубрики дополняется коротким добавлением на старокаталанском языке следующего содержания: *«В этих установлениях содержится обычай Тортосы, поэтому сеньория по этим обычаям никакой компенсации требовать не может, за исключением пятой части штрафа, назначенного по наказанию, поэтому на территории сеньории Тортосы никакое преступление публичное или частное, не может судиться без жалобы или обвинения, если только пятая часть любой жалобы не может быть удовлетворена посредством денег. Все же суммы пусть исчисляются в монете, имеющей хождение в Тортосе, и ни в какой иной»* [7, Р. 524]. Из текста этой нормы следует, что «Барселонские обычаи», которые считались основным источником права в Тортосе с 1149 г., легисты вынуждены были адаптировать к локальным реалиям и сопровождать пояснениями на старокаталанском языке.

Помимо указанных рубрик, стоит упомянуть и о том, что в тексте «Обычаев Тортосы» существовали отдельные установления на латинском языке, помещённые внутрь рубрики, основной текст которой был старокаталанским: [7, Р. 129]. Большинство подобных заимствований были либо признаны избыточными и изъяты арбитрами, либо были переведены на старокаталанский язык [7, Р. 320].

Гораздо чаще встречается ситуация, когда тот или иной обычай на старокаталанском языке лишь дополняется кратким латинским изречением дидактического или морализаторского характера. Чаще всего в таких случаях латинская фраза не имела характера правового установления и лишь завершала обычай: *“Quia virile officium est suscipere alienam defensionem e ultra sexum muliebre esse constant”* («Поскольку обязанность мужчины – защищать других, поскольку он считается выше женского пола») [7, Р. 102]. Подобные сентенции, также, вероятно, происходившие из юридических трактатов, циркулировавших в среде легистов, из поздних рукописей в большинстве случаев исключались. Однако важно отметить, что в этом случае арбитры отказывались не только от латинских сентенций, но и от самих обычаев на старокаталанском языке, в которые эти латинские сентенции были включены. Происходило это тогда, когда, по мнению арбитров, обычаи не соответствовали церковным установлениям, о чём свидетельствуют пометки в маргиналиях рукописи А, причём фиксировалось, что «греховные» установления должны быть заменены принципами общего римского права [7, Р. 48]. Всё это свидетельствует о том, что даже в поздних рукописях влияние учёной традиции римского права продолжало сохранять свой авторитет при исключении отдельных положений, которые представлялись сомнительными церковным иерархам, которые были знакомы с римской правовой традицией прежде всего по каноническому праву.

Выразить отдельные религиозные термины и установления легистам было гораздо легче на латинском языке, ведь именно с латинским вариантом они чаще всего встречались в церковных текстах или при составлении тех или иных документов, с которыми грамотный человек встречался в течение своей жизни. Пример такой вставки, органично вписавшейся в предложение на старокаталанском, можно встретить в обычае 2.8.6: *“Per so com son Paul diga nubat in Xristo”* («Поскольку, как говорит Павел, браки заключаются во Христе») [7, Р. 98]. Скорее всего, в данном случае мы имеем ссылку на первое послание апостола Павла к Коринфянам (1 Кор. 7:39).

Церковные иерархи усомнились в необходимости данного пассажа в тексте законодательного характера, как свидетельствует маргиналия к рукописи А [7, Р. 98]. При этом тенденция к устранению подобных фрагментов религиозного содержания напрямую не коррелирует с их языковой принадлежностью, поскольку из обычая № 6.1.13 был исключён по тем же причинам абзац на старокаталанском языке об искуплении грехов Иисусом Христом [7, Р. 301]. Говоря о заимствованиях религиозного характера также необходимо отметить, что даже в старокаталанском тексте терминология, связанная с христианской верой и её правовыми аспектами, предстаёт в своеобразной форме. В «Обычаях Тортосы» фиксируется типичная для XIII в. двойственность в морфологии и графике слова “*Deus*” (лат. «Бог») она выражается в том, что в отдельных случаях у слова, употребляющегося внутри старокаталанского текста фиксируются отголоски латинской падежной системы. Это явление неоднократно фиксировалось исследователями-филологами и встречается в других источниках этой эпохи (например, в переводе на старокаталанский язык «Барселонских обычаев», «Хронике Хайме I») [11, Р. LV; 3, Р. 87–88].

Даже из такого сжатого анализа видно, насколько важной частью «Обычаев Тортосы» в первой редакции были латиноязычные элементы и как их употребление было сокращено в более поздних редакциях и рукописях. Предложенный в начале этой работы подход позволил собрать и типологизировать все случаи употребления латинского языка и составить полное представление о том, когда и по каким причинам легисты переходили на язык Цицерона. Высказанная нами рабочая гипотеза о том, что употребление латинского языка было проявлением специфической ситуации мультилингвизма получила аргументированное подтверждение. Подобный взгляд на памятник обычного права XIII в. в научной литературе до сих пор не предлагался несмотря на то, что именно такой подход к материалам средневековых писанных установлений позволяет различить и корректно описать метод их составления, способы обращения с текстами и идеями легистами того времени. В свою очередь, понимая, как воспринимал правовой текст легист, на каком языке он выражал правовые идеи, по каким соображениям выбирал тот или иной язык, какие юридические тексты он знал и как формулировал свои идеи, – понимая все это, мы действительно можем изучать правовое мышление.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в текстах Обычаев Тортосы нами было выделено 7 категорий латиноязычных элементов: служебные и вводные слова, нормативные варианты текстов подписей сторон для договоров, тексты печатей для публичной власти, латинская терминология в названиях правовых установлений, дефиниции на латинском языке, сентенции морализаторского содержания и религиозная терминология.

Анализируя обстоятельства использования латиноязычных элементов в тексте «Обычаев Тортосы», мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, в первоначальной редакции «Обычаев Тортосы» гораздо больше латинских заимствований, что показывает вторая из использованных метрик. Не менее важно и то, что практически половина латинских заимствований в результате второй редакции исчезла из текста памятника показывает, что многие из них носили вспомогательный характер и были призваны дополнить изначальный старокаталанский текст.

Во-вторых, сохранение значительного числа латинских заимствований свидетельствует о том, что легисты, носители старокаталанского языка, воспринимали латинские термины, словосочетания и фразы как органичный элемент языка. Это и есть основное проявление мультилингвизма в различных ситуациях. Использование и латинского, и старокаталанского языков было вполне нормальным и естественным даже в рамках одного предложения. Об этом свидетельствуют результаты и количественного анализа подобных заимствований.

В-третьих, Легисты-интеллектуалы, наслышанные о римском праве, знакомые с ним по сборникам и обзорам *Corpus Iuris Civilis* стремились по возможности сделать кодекс, который они составляли, наиболее приближенным к римскому праву, которое казалось им высшим универсальным достижением правовой науки, при этом сохранив ряд традиционно легитимирующих элементов на латинском языке.

В-четвёртых, церковные иерархи, редактировавшие «Обычаи Тортосы» спустя 5 лет, руководствовались другой целью, а именно: сделать и без того объёмный текст обычаев более понятным, они были в меньшей степени знакомы с имевшими тогда хождение сборниками норм римского права, что довольно чётко фиксируется в маргиналиях к рукописи А. Отчасти этим можно объяснить сокращение количества латинских цитирований во второй редакции кодекса. Однако с традициями канонического права они были знакомы довольно хорошо, потому отдельные нормы римского права не были ими отвергнуты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Барселонские обычаи» (свод обычного права, созданный в Барселоне) имеют также довольно сложное происхождение: латинская версия текста была записана во 2-й половине XII в., а уже менее, чем через 50 лет появился первый перевод этого памятника на старокаталанский язык.

2. Трёхчастная система ссылок на установления данного кодекса, где первая цифра означает книгу, вторая – рубрику, а последняя – номер обычая, получила широкое распространение в издательской и историографической традиции, в статье использована именно она.

3. Такое обозначение рукописей введено Х. Массипом-и-Фонойсой в издании 1996 г. В нашем исследовании мы пользовались именно ей, в отдельных случаях для обозначения редакций именно литерные обозначения рукописей (А, В и др.).

4. В своей работе мы опирались в основном на критическое издание «Обычаев Тортосы» 1996 г., выполненное группой исследователей данного памятника под руководством директора тортосского исторического архива, историка и правоведа Х. Массипа-и-Фонойсы. Это издание отвечает критериям научности, оно снабжено двумя вступительными статьями (исторической и филологической), обширным справочным аппаратом, приложениями с публикацией исторических источников, связанных с составлением «Обычаев Тортосы».

Библиография

1. Belmon J., Vielliard F. Latin farci et occitan dans les actes du XIe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. Paris, 1997. Vol. 155, no. 1. P. 149–183.

2. Bernad Segarra L. Sobre el valor de la confessio in iure certae pecuniae. Especial menció a su recepció en Furs y Les Costums de Tortosa // La prueba y medios de prueba. De Roma al derecho moderno. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, Servicio de Publicaciones, 2000. P. 91–104.

3. Bruguera i Talleda J. Notes al vocabulari de la Crònica de Jaume I // Actes del IV Col·loqui internacional de Llengua i Literatura Catalanes. Basilea, 22—27 de mars 1976. Barcelona, 1977, P. 83–114.

4. Calzada González M.A. El principio ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat y su recepció en Les Furs de Valencia y en Les Costums de Tortosa // La prueba y medios de prueba. De Roma al derecho moderno. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, Servicio de Publicaciones, 2000. P. 109–120.

5. Cerdá Ruiz-Funes J. La 'Inquisitio' en los Furs de Valencia y en el 'Llibre de las costums' de Tortosa // Anuario de Historia del Derecho Español. 1980. P. 563–586.

6. Código de las costumbres escritas de Tortosa / doble texto, trad. al castellano R. Foguet, J. Foguet Marsal, V. Covian, J. J. Permanyer. Tortosa: Imprenta Querol, 1912. CXXIV, 530 p.

7. Costums de Tortosa. / ed. crít. a cur. de J. Massip i Fonollosa, col. C. Duarte i Montserrat, M. A. Massip i Bonet. Barcelona: Fundació Noguera, 1996. LXXXIII, 592 p. (Col·lecció Textos i Documents; t. 32)

8. Daileader P. La coutume dans un pays aux trois religions : la Catalogne, 1228-1319 // Annales du Midi : revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale. 2006. Vol. 118, № 255. P. 369–385.

9. de Arvizu y Galarraga F. Fianzas procesales en la documentación altomedieval // Anuario de Historia del Derecho Español. 2022. Vol. 92. P. 47–73.

10. Duarte i Montserrat C. El vocabulari jurídic del Llibre de les costums de Tortosa (ms. de 1272). 1a ed. Barcelona: Generalitat de Catalunya, Departament de Governació, Escola d'Administració Pública de Catalunya, 1985. 128 p.

11. Duarte i Montserrat C. La llengua del manuscrit de 1272 del Llibre de les Costums de Tortosa // Revista de llengua i dret. 1991. № 16. P. 7–56.

12. Duarte i Montserrat C. La llengua del manuscrit “Consuetudines Dertuse” // Costums de Tortosa. / ed. crít. a cur. de J. Massip i Fonollosa, col. C. Duarte i Montserrat, M. A. Massip i Bonet. Barcelona: Fundació Noguera, 1996. P. XLIX–LXXIII. (Col·lecció Textos i Documents; t. 32)

13. Kuttner S. Gratian and the Schools of Law, 1140–1234. London; New York: Routledge, 2018. 364 p.

14. Massip i Fonollosa J. Un manuscrit de Les Costums de Tortosa retrobat a Mallorca // Revista de llengua i dret. 1986. № 7. P. 61–68.

15. Obarrio Moreno J.A. La recepción del ius commune en Les Costums de Tortosa: la prueba testifical // La prueba y medios de prueba. De Roma al derecho moderno. Madrid: Servicio de Publicaciones, 2000. P. 545–562.

16. Oliver y Esteller B. Historia del derecho en Cataluña, Mallorca, y Valencia. Código de los costumbres de Tortosa. Madrid: Imprenta de Miguel Ginesta, 1876–1881. 4 vol.

17. Pacheco Catalán N. Algunas consideraciones sobre familia y sucesión en una sociedad de frontera (Tortosa, siglos XII y XIII) // Medievalismo. 2022. № 32. P. 251–272.

18. Santos Rojo C. El juramento en los Furs de Valencia y en Las Costums de Tortosa // La prueba y medios de prueba. De Roma al derecho moderno. Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, Servicio de Publicaciones, 2000. P. 729–738.

19. Zimmerman M. Écrire et lire en Catalogne (IXe–XIIe siècle). Madrid: Casa de Velázquez, 2003. Vol. 1. 1043 p. (Bibliothèque de la Casa de Velázquez; vol. 23).

CLASSIFICATION OF LATIN BORROWINGS AND QUOTATIONS IN THE TEXT "CUSTOMS OF TORTOSA": QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ASPECTS

Korneeva A.D.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the peculiarities of recording customary law by medieval legalists on the basis of two editions of the Customs of Tortosa. Both editions of this body of customary law were created in a very short period of time in the 1270s, which makes it possible to trace the process of editing customs and put them in the context of the problem of recording oral customary law. Another aspect of the problem is that the recording of customs took place during the period of active reception of Roman law among legal scholars on the Iberian Peninsula: the article is supposed to answer the question of how certain establishments from the Roman sources revealed to medieval lawyers could get into the “Customs Tortosa”. The main focus of the article is on the analysis of Latin borrowings and quotations in a text written mainly in Old Catalan. The author proposes a classification system for these borrowings and quotations, analyzes the contexts of their use. The systematization of information about the circle of reading and sources of citations in the “Customs of Tortosa” in many ways allows us to approach the discussion of the vast topic of medieval legal culture, which at a certain stage of development was characterized by the desire to fix oral law in writing. Moreover, the legal culture, which included both oral and written forms of law, developed certain principles for “translating” custom into a written text.

KEYWORDS

customary law, “Customs of Tortosa”, history of Catalonia, reception of Roman law, Catalonia in the Middle Ages, medieval law.